

Все предвещало, что у Кролика опять будет очень занятой день. Едва успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня все от него зависит и все на него рассчитывают. Это был как раз такой день, когда надо было, скажем, написать письмо (подпись — Кролик), день, когда следовало все выяснить, все проверить, все разъяснить...

*А. Милн. Винни-Пух
и все-все-все*

Было темно и сыро. Дождик прошел, и в воздухе пахло весной, влажной землей и стройкой.

«Странно, — подумал человек, стоявший почти на самом краю свежего котлована. — Наверное, точно так же пахло, когда древние египтяне строили свои загадочные и великие пирамиды. Шел дождик — должно быть, редкая штука в тех краях, — земля раскисала и размягчалась, как сентиментальная старуха от слезливого фильма, и во влажном воздухе повисал запах стройки. Две с половиной тысячи лет прошло, никто и никогда ничего толком не узнает о том, что было тогда, а запах не изменился».

Человек усмехнулся и швырнул в котлован окурок. Маленькая оранжевая комета мелькнула в вязкой темноте и исчезла, потухла.

Что-то сегодня его потянуло на философские размышления. К чему бы? К старости, что ли? Вот бы удивились те, другие, если бы могли подслушать его мысли! Для них он никто, они его и не замечают даже. Разнорабочий — подай, принеси, поддержи, за бутылкой сбегай!..

Его это забавляло. Он знал о них гораздо больше, чем они о нем, и в этом было его неоспоримое преимущество. Когда-то, еще в школе, он прочитал о том, что всеми событиями на земле управляют вовсе не те, кто громче всех кричит и размахивает флагом на баррикадах. Можно кричать и размахивать сколько угодно — хоть всю жизнь! — и даже не догадываться о том, что все это — исполнение чьей-то чужой и более сильной воли.

Никогда ему не хотелось быть впереди. Он всегда оставался в тени, незаметный, серый человечешка, годный только тачку возить да бегать за бутылкой. Он усмехнулся. О нем никто ничего не знал, зато он знал все обо всех. За это знание многие — большинство! — готовы были выложить любые деньги.

Было очень тихо, только где-то монотонно капала вода. Кап-кап-кап... И запах земли и влажного бетона становился все более отчетливым, каким-то предутренным.

Ну? И сколько ему еще ждать?

Конечно, он человек маленький, ему подождать ничего не стоит, но время шло, а машины все не было. Пожалуй, придется придумать какое-нибудь наказание. Нельзя, в самом деле, позволять им опаздывать... Он посмотрел на часы. Ну да. Почти на полчаса. Он знает, каким будет наказание. Одна мысль об этом доставила ему такое удовольствие, что он зажмурился и засмеялся.

Нет, флагами на баррикадах пусть размахивают дураки. Мы умные, мы как-нибудь потише...

А вот и машина.

Со стороны шоссе приближалось негромкое сытое урчание заморского двигателя. В темноте разобрать ничего было нельзя. Прожектора по всему периметру стройки разбивали прямо-таки с маниакальным упорством. Они не горели почти никогда, хотя шеф каждую неделю заставлял покупать новые лампы. Небось денег на это ухнул целую кучу.

«И вообще... ну ее к дьяволу, эту стройку. Что-то непонятное то и дело происходит вокруг. Вот получу то, что мне причитается, накажу кого надо за своеволие — и поминай как звали, гори ваша стройка синим пламенем...»

Он начал спускаться к условленному месту. Земля с тихим приятным шуршанием сыпалась из-под ботинок.

Он шел осторожно, стараясь особенно не лезть в грязь, и был уже на полпути, когда поднял голову, и под единственным уцелевшим фонарем навстречу ему блеснула мокрая крыша большой и тяжелой машины.

Он замер, как насторожившийся лис, почуявший

охотника. Черт возьми, это была совсем не та машина, которую он ожидал увидеть!

Что это значит?! Они не договаривались о том, что придет именно эта машина! Хозяина этой машины он ненавидел и боялся. Пожалуй, единственного из них.

Раз так, знать он ничего не знает.

Не было никакого договора, да и все. Сделка не состоится.

Он просто вышел покурить среди ночи. Покурить и оглядеться вокруг, удостовериться, что все благополучно, а то черт знает что тут происходит. Вон опять прожектор разбили... Что же охранники, спят, что ли, как медведи зимой?!

Играть ему было привычно и легко. Играл он всегда на «пять с плюсом». Черт принес эту машину!.. Придется удвоить цену и наказание придумать посерьезнее, пусть не держат его за дурака!

Шум мотора смолк совсем близко. Хлопнула дверь.

Знает или не знает тот человек в машине, зачем он ночью бродит по котловану? Знает или нет? От этого сейчас все зависит. Ему рассказали или этот приезд просто обыкновенная проверка?

Он сделал еще несколько шагов, остановился и вытащил из кармана сигареты. Как будто только что увидев машину, он поднял голову и стал озираться по сторонам.

— Кто здесь? — спросил он громко, и собственный голос в тишине пустой ночной стройки показался ему жалким и испуганным. Честный человек, вышедший среди ночи покурить, не может говорить таким голосом. — Это кто приехал?

В ответ не раздалось ни звука. Неподвижная гора полированного железа блестела под фонарем неживым инопланетным блеском.

Но он отчетливо слышал, как хлопнула дверь. Знает, кто-то вышел и ходит где-то поблизости. Тогда почему не отзывается?

Внезапно ему стало страшно. Так страшно, что волосы встали дыбом.

Нужно уходить. Быстрее.

В вагончиках у самой границы леса спят люди. Если

он закричит, они проснутся. Конечно, проснутся. Ничего страшного.

Он суетливо повернулся, увязая башмаками в жирной земле, сделал шаг, и из темноты его быстро и точно ударили в висок. Он всхлипнул, нелепо взмахнул руками и упал лицом вниз на бетонную плиту.

Тело нашел Чернов, который по причине всегдашних домашних неурядиц приезжал на работу раньше всех. Поначалу, увидев в котловане неподвижно лежащего человека, Чернов решил, что это кто-то из рабочих прилег отдохнуть «после вчерашнего». Человек лежал так удобно, в таком безмятежном покое, что Чернов рассвирепел. Хорошо хоть Степан еще не приехал. Была бы история, если бы этого отдыхающего нашел Степан!

«Вот козлы. Допились до того, что не могут по вагончикам разойтись! Уволю к дьяволу, прямо сейчас, кто бы это ни был».

Увольнять ему никого не пришлось.

Человек был мертв. Так безнадежно, так ужасающе мертв, что у Чернова едва не отнялись ноги, когда он взглянул в белое с желтым лицо.

«Его уже кто-то «уволил», — подумал Чернов словно сквозь вату. — Даже две недели не дал, как положено по законодательству о труде.

Вот только этого им всем сейчас и не хватало. Вот все у них сейчас замечательно и хорошо. Только трупа не доставало. Как-то скучно было без трупа...»

Чернов быстро закурил, стараясь не смотреть под ноги, где лежал покойник. Хуже всего, что это был не абстрактный труп, а Володька Муркин, разнорабочий, которого он сам нанял с месяц назад. Володька как Володька — в меру пьющий, невзрачный, вечно суетливый, как будто стремящийся всем услужить. Чернов его не любил.

«И как он умудрился свалиться башкой на эту плиту?! Куда его понесло?! Вроде сильно он никогда не пил. Может, вчера подрался? С кем? Если с кем-то из наших — все, мы пропали — приедет милиция, начнутся разбирательства, идиотские допросы, вызовы в отделе-

ние и прочее. Работа встанет, а время не просто поджигает, оно давит на нас, как кузнечный пресс. Великий господи, сделай так, чтобы не было никакой драки, чтобы он сам свалился, пусть нехорошо, что я тебя об этом прошу, но сделай так, господи!..»

Вадим Чернов, тридцати семи лет от роду, самоуверенный, образованный и упрямый, как все бывшие военные, не верил в науку криминалистику и был совершенно точно уверен, что никакую картину преступления по одному следу, оставленному на земле, или сгоревшей спичке воссоздать нельзя. Расследования убийств казались ему такой же глупостью, как попытка определить, есть ли жизнь на Марсе, глядя на этот самый Марс в театральные бинокль. Да и не понимал он, зачем расследовать, когда можно не расследовать, а засадить за решетку первого попавшегося под руку и написать в отчете, что убийца пойман и больше угрозы для общества не представляет.

Пусть все, что угодно. Пусть работяги вчера в стельку надрались, пусть обнаружится несоблюдение каких-нибудь очередных правил техники безопасности, но только не драка. Потому что если драка — значит, убийство, значит, расследование, в общем, конец света.

Черт бы взял этого Муркина, выбравшего такое неподходящее время, чтобы откинуть сандалии. Хотя, может, именно черт его и взял.

Понимая, что милиция все равно приедет, даже если это просто несчастный случай, Чернов отступил назад, стараясь попасть в собственный след. Все же детективы он почитывал и знал, что возле трупа лучше ничего не трогать.

Была бы охота что-то там еще и трогать!

Чернов полез в карман за телефоном, но тут же в раздражении сунул его обратно. Как он ни хорохорился, но вид мертвого Володьки произвел на него гораздо более сильное впечатление, чем он сам мог себе признать. Руки были не просто влажные — они были мокрые и холодные, как шкура дохлой рыбы. Он сердито зашагал к тонкой водопроводной трубе, нелепо торчавшей на краю котлована, отвернул шершавый вентиль и попил мутной ржавой воды. Потом плеснул в лицо.

«Возьми себя в руки. Чай, не барышня».

Он злобно утер физиономию подкладкой куртки и посмотрел по сторонам. Вокруг никого не было, только в отдалении у вагончиков начиналась привычная утренняя жизнь. Чернов взглянул на часы. Шесть. Седьмой.

«Никто еще ничего не знает, — подумал он тоскливо. — Для всех пока что начинается обычный день. Только он, Вадим Чернов, стоит в двух шагах от трупа Володьки Муркина и не может заставить себя позвонить».

Он вздохнул и снова посмотрел в котлован, смутно надеясь, что труп куда-нибудь исчез за то время, пока он умывался. Труп, будь он неладен, был на месте.

Что-то поблескивало на полпути между мертвым Володькой и бетонным столбом, к которому был прикручен прожектор, как будто золотое кольцо в куче навоза. Чернов взглянул, прищурившись, и стал спускаться, по дуге обходя труп. Стараясь не смотреть в его сторону, он копнул носком ботинка рыхлую землю. Какой-то длинный и узкий предмет, похожий на тюбик губной помады, сверкнув полированным золотым боком, подпрыгнул и мягко шлепнулся неподалеку. Чернов наклонился, поднял его и вытер о куртку.

Это оказалась зажигалка. Стильная позолоченная зажигалка, на которой было выдавлено черным «Кельн Мессе». Зажигалка принадлежала Степану. Он привез ее в марте со строительной выставки из Германии, куда поехал с Беловым, оставив Чернова за старшего. Чернову тогда тоже хотелось в Германию, тем более что он никогда еще не был за границей, но Степан решил, что поедет Белов.

Значит, Степан эту свою драгоценную зажигалку потерял, да еще в таком неподходящем месте...

Чернов думал всего одну секунду, а потом сунул зажигалку в карман. Даже идиоту ясно, что Степан не может иметь отношения к смерти какого-то никому не нужного распоследнего рабочего с собственной стройки, а раз так, значит, зажигалку эту он просто сунул мимо кармана, когда вчера или позавчера лазал по котловану, и ментам об этом знать совсем не обязательно.

Преодолевая себя, Вадим еще раз посмотрел вниз, на Володьку, отвернулся, выматерился и решительно достал телефон.

...— Па-ап!

Шум воды в трубах, шипение яичницы на сковороде, развеселые вопли ведущего утренней программы на радио.

— Папа!

Стук посуды и пронзительный взвизг кофемолки.

— Папа!!

Степан вздрогнул и оглянулся, чуть не выпустив кофемолку из рук.

— Пап, ну ты чего?! Совсем уже?!

С Ивана на пол текла вода. Он стоял в дверном проеме мокрый и совершенно голый. Степан уставился на него, как будто впервые увидел.

— Я тебя зову, зову! Ты что, не слышишь?

— Нет, — сказал Степан. — Не слышу. Уже пора?

— Давно пора, — ответил Иван обиженно и зашлепал в ванную, бормоча себе под нос: — Зову, зову, два часа уже...

Степан переставил сковородку, хлопнул по кнопке чайника и пошел в ванную вслед за сыном.

— Давай! — приказал Иван и зажмурился. Он стоял в ванне — острые локти, выпуклые коленки, ребра все до одного можно пересчитать, ручки-палочки и ножки-дощечки. В кого он такой худющий? Степан усмехнулся. Утренний ритуал никогда не менялся. Просто сегодня он что-то отвлекся и про ритуал позабыл.

— Готов? — переспросил Степан, повыше поднимая ведро с холодной водой. Иван сосредоточенно кивнул, не открывая глаз. Степан перевернул ведро, вода отвесно упала на Ивана, так что он даже покачнулся, стекла по всем ребрам, по ручкам-палочкам и по ножкам-дощечкам. Иван моментально покрылся гусиной кожей и встряхнулся, как собачонка.

Степан сунул ему полотенце.

— Ты просто супербизон, — сказал он нелепую фразу, которая приводила Ивана в восторг и тоже была частью ритуала.

Из полотенца вынырнула розовая мордаха, сияющая кривоватыми передними зубами.

Просто ангел божий, а не ребенок.

Степан тяжело вздохнул.

— Вытирайся, и давай завтракать. Мне некогда.
— Тебе всегда некогда, — заявил Иван из полотенца. — Тебе когда-нибудь будет есть когда?
— Так нельзя говорить, — поправил Степан машинально, — нужно сказать: «Будет ли у тебя время».
— Да какая разница! Времени-то все равно не будет...

Внезапно Степан пришел в сильное раздражение. Как будто Иван в чем-то несправедливо обвинял его.

— Вот если ты будешь все время со мной базарить, — сказал он, хотя Иван вовсе и не базарил, — времени у меня совсем не станет.

И ушел на кухню.

Конечно, ему некогда. Он работает с утра до ночи. Все мечты о том, что в один прекрасный день дело пойдет без него, а ему останется только пожинать лавры, ежедневно разбивались вдребезги, как любовная лодка о быт в стихах революционного поэта Маяковского. Иногда ему приходится работать по субботам и даже по воскресеньям.

Степан разложил по тарелкам яичницу.

Он понятия не имеет, куда деть Ивана, когда начнутся каникулы. Черт бы взял эту продвинутую школу, где каникулы начинаются почему-то в апреле! В прошлом году у них все лето жила мама, а в этом году мама умерла...

— Иван! — крикнул Степан громче, чем нужно. — Ну где ты там?!

Думать об этом с утра нельзя. Об этом можно думать только ночью, когда Иван спит и впереди еще пять часов, чтобы прийти в себя. Степан не мог позволить себе такие думы с утра пораньше.

— Пап, где моя черная водолазка?

— Посмотри в шкафу.

— Да нет ее в шкафу, я уже смотрел!

— Иван, я ее не надевал, если ты об этом спрашиваешь!

— Я спрашиваю, где моя черная водолазка?! — Голос уже почти дрожит. Не восьмилетний мужик, а рохля и мямля, ей-богу!

Степан стукнул сковородкой о плиту и большими

сердитыми шагами пошел в комнату к сыну. Иван стоял перед распахнутым шкафом и зачем-то перебирал трусы на нижней полке.

— Трусы ты тоже потерял? — спросил Степан язвительно. — На, вот твоя водолазка! Ты что, не можешь голову поднять и посмотреть?!

Он был не прав и знал это. Домработница Клара Ильинична почему-то положила Иванову водолазку очень высоко, в постельное белье. Иван снизу ни увидеть, ни достать ее не мог.

— Одевайся быстрее! — приказал Степан. — Мы уже опаздываем.

Он привозил Ивана в школу очень рано, раньше всех остальных детей, и сдавал с рук на руки классному руководителю — или, по-новому, воспитателю — Валерию Владимировичу. Наверное, с полчаса Иван сидел в классе один. Привозить его позже Степан не мог — он начинал работать очень рано, с половины девятого. И все равно ничего не успевал.

Пришел Иван, волоча за собой стильный немецкий рюкзак, который отец привез ему из Кельна. Рюкзак сын швырнул в угол, а сам сел, зацепил свои облаченные в джинсы «дощечки» за ножки стула и занял:

— Опять яичница? Не хочу я никакой яичницы! Сколько можно ее есть? Вчера Клара Ильинична в холодильнике кашу оставила. Пшеничную...

Степану стыдно было признаться, что кашу он сам вечером съел. Ему тоже смертельно надоели покупные антрекоты и куры-гриль.

Поэтому он сказал грозно:

— Ешь давай! — и подвинул сыну тарелку. И налил морковный сок, который Иван терпеть не мог и пил, зажимая нос пальцами.

Иван взглянул отцу в лицо совершенно черными Ленокскими глазами и, очевидно, увидев там что-то, пререкаться не стал и начал покладисто ковырять яичницу.

Лучше бы скандалил.

— Хочешь, вечером в ресторан пойдем, а? — предложил Степан. Чувство вины требовало какого-то выхода. — В какой-нибудь... итальянский. Где макароны подают.

Иван глянул на него и отхлебнул морковного сока, не забыв предварительно зажать нос.

— Ты дучше в шкоду зайди, — прогундосил он, не отпуская носа. — У всех родидеди приходят, а у бедя нед.

— А что? — насторожившись, спросил Степан и легонько хлопнул его по руке, чтобы он отпустил нос. — У нас проблемы?

— Нет у нас проблемов, — ответил Иван, но как-то подозрительно быстро начал жевать яичницу.

— Проблем, — поправил Степан, отчетливо понимая, что этих самых проблем там, очевидно, воз и маленькая тележка.

Он уже почти простил жену за то, что она ушла от него. Но он никак не мог простить мать за то, что она так неожиданно умерла. Они остались с Иваном одни. Со всем одни. Конечно, с хозяйством они справятся, им не привыкать — мама всю жизнь жила отдельно и в хозяйстве участия не принимала. А друг с другом?

— Ты что, опять тройков нахватал?

— Ничего я не нахватал! — ответил Иван, дернув плечом. — Просто я не знаю...

— Чего ты не знаешь?

— Пап, ну съезди в школу и спроси, чего я не знаю! — Он оскорбленно засопел, губы у него искривились и набухли, и всю мордашу как будто повело в сторону. — Она говорит, что я все неправильно понимаю! А я не знаю, что я неправильно понимаю!

— Да кто она-то?

— Инга Арнольдовна! — выкрикнул Иван, отвернувшись и утерся рукавом. Степан слышал это имя впервые.

— Кто такая Инга Арнольдовна?

— Она ведет у нас литературу. Между прочим, с нового учебного года, папочка!

В их продвинутой школе с первого класса преподавали не чтение, а литературу.

— Ты что, — осторожно спросил Степан, — плохо читаешь?

Иван научился читать года в четыре и с тех пор буквально проглатывал все, что только попадало ему в руки.

— Папа! — воскликнул Иван с упреком. Он воспринимал такие вопросы как оскорбление. Он не понимал,

почему взрослые иногда говорят такие глупости. — Читаю я хорошо! Я не понимаю! Понимаешь? Не понимаю!

— Черт знает что, — пробормотал Степан беспомощно. Не хватало еще только проблем в школе!

В громадном офисном здании на Профсоюзной, которое ремонтировала его строительная фирма, на прошлой неделе какие-то идиоты выбили стекла, засыпав весь ковролин мелкой, как будто алмазной, крошкой, которую ничем было не взять, даже самыми мощными пылесосами. Пока они решали, что делать с ковролином — перестилать или все-таки чистить, — прямо перед зданием прорвало водопроводную трубу, и районная администрация вместо того, чтобы трубу чинить, три дня пыталась доказать, что во всем виноваты Степановы строители, которых зачем-то понесло в этот колодец. Степан мотался в администрацию и в мэрию, скандалил, лебезил, доказывал, уговаривал, платил деньги, унижался и ругался.

В это самое время на другом его объекте, в Сафоново, местные жители организовали пикеты и стали кидаться под бульдозеры. Приехала программа «Времечко» и еще какая-то, точно такая же, только с другого канала, Степан всегда их путал. Приехал вездесущий «Гринпис», хотя никакого отношения к экологии скандал не имел, притащилось местное начальство, мечтая под это дело получить еще какие-нибудь взятки.

Старухи орали, старики потрясали тощими кулаками, рабочие, которым не платили за простои, матерились и грозились всех закопать, мужики под шумок растаскивали что под руку попадет, дети висли на оградительных сетках, предводитель орал в мегафон: «Не допустим на нашей земле святотатства!»

Святотатство заключалось в том, что, по сведениям этого самого предводителя, там, где сейчас строился торговый центр, когда-то был храм. Стоял он еще в допетровские времена, а потом его почему-то снесли и выстроили другой, на самом высоком холме, в центре села Сафонова. Никто и знать не знал о том, что на этом месте был храм, пока не объявился местный активист по имени Леонид и не стал мутить воду.

Активист был похож на всех сразу подобного рода активистов, какими их показывают по НТВ в программе «Профессия — репортер». У него была длинная бледная физиономия земского статистика, жиденькая бородка и песочные волосы. Носил он сиротский синий свитер и вельветовые брюки, заправленные в грубые солдатские ботинки.

Поначалу Степан не принял его всерьез. Потом предложил денег. Потом пригрозил убить, если тот не перестанет лезть не в свое дело.

Ничего не помогало. Угрозы активист Леонид воспринял даже с некоторым восторгом — они подтверждали его собственную значимость. От денег с гордостью отказался, а не обращать на него внимания в последнее время стало очень трудно. Движение против «святотатцев» приняло в Сафонове масштабы стихийного бедствия.

Теперь новое дело! Год кончается, а какая-то там Инга Арнольдовна заявляет его сыну, что он ничего не понимает! Сговорились все, что ли!..

— Ты у нее сегодня спроси, пожалуйста, — велел Степан, стараясь говорить спокойно, — чего именно ты не понимаешь и что мы должны сделать, чтобы ты это понял. Хорошо?

Иван заглянул в кружку и сделал вид, что не замечает оставшегося в ней морковного сока.

— Нехорошо, — сказал он, слез со стула и понес кружку в раковину.

Степан перехватил его на полдороге и вернул за стол вместе с кружкой.

— Что плохо?

— А то плохо, что она уже три раза в дневнике писала, чтобы ты приехал...

— Почему я-то об этом слышу впервые?! — взревел Степан и брякнул на стол кружку.

Худенькие плечики под модной водолазкой поникли и как-то сразу уменьшились, перед гневным отцовым взглядом вместо мордахи оказалась золотистая макушка с завитком тонких волос, тонкие-претонкие пальцы вцепились в кружку с недопитым морковным соком, и на черную поверхность стола капнула слезища.

— Да что ты реवेशь?! Почему ты не сказал, что меня в школу вызывают?!

«Он никому не нужен, кроме меня», — подумал Степан, разглядывая макушку и чувствуя привычное стеснение то ли в горле, то ли где-то ниже.

Никто не ходит к Ивану на школьные праздники, и никто не знает, как зовут его учителей. Никому нет дела до того, с кем он дружит, и с кем дерется, и что для весеннего карнавала ему нужен костюм, и что неправильно выросшие передние зубы мешают ему внятно произносить сложные английские звуки. Никто даже не пожалел Ивана, когда у него порвался медведь, его самый любимый медведь с кофейной гладкой шерстью и янтарными глазами, Леночкин подарок. И порвался-то он по шву — подумаешь! — но из него стала сыпаться труха, и решительная Клара Ильинична моментально выкинула мишку в мусоропровод. Иван рыдал и катался по полу, а Степан приехал с работы и с разгону еще поддал по художочной заднице, потому что сын никак не хотел успокаиваться, а отец в тот день устал так, что его даже слегка тошнило.

Конечно, потом он неловко пытался помириться и на следующий же день привез из магазина другого медведя, в сто раз краше Леночкиного, но тот косопалый так и сидел на полке в шкафу.

Иван был нужен бабушке. Они оба были ей нужны. Но она зачем-то умерла...

— Иван... — сказал Степан и за подбородок поднял голову сына. Тот пытался отвернуться, из зажмуренных глаз у него лились слезы, и он еще подвывал тихонько, жалея самого себя и Степана. — Чего ты реवेशь? Что случилось? Почему ты мне не сказал, чтобы я пришел в школу?

— Я... я... бо... боялся, — выдавил Иван, икая.

— Боялся? — переспросил Степан, опять приходя в ярость. — Меня?!

Только этого еще не хватало! Что за новости?

— Я что, — спросил он, едва сдерживаясь, — тебя бью? Или кусаю? Что ты несешь?

— Ни... ни... чего, — пробормотал Иван. — Только ты кри... кричишь все время...

— Пойди умойся, — приказал Степан холодно. — У нас времени совсем нет, а ты еще скандалы по утрам закатываешь. Ты что, не понимаешь, что у меня впереди целый день тяжелой работы? Это тебе не четыре урока отсидеть — и в бассейн, а потом гулять, а потом еще на корт с ракеточкой!

— Папочка, прости меня! — закричал совсем потерявшийся от горя Иван и стал тыкаться Степану в майку. — Прости, я не хотел тебя расстраивать!

Ненавидя себя за то, что не умеет наладить жизнь собственного сына, Степан неловко потрепал его по золотистой макушке и легким шлепком отправил в ванную.

Про корт и про бассейн это он, пожалуй, загнул напрасно. Для Ивана и четыре урока — это тот же самый день тяжелой работы, а он как будто похваляется перед ним и упрекает его в тунеядстве. Вот черт. Придется, видно, ехать в эту самую школу и разговаривать там с этой Агнессой Витольдовной.

— Иван, — крикнул он в сторону ванной, — как ее зовут, я забыл?

— Инга Арнольдовна, — донеслось из ванной после минутной паузы. — Пап, я тебе не говорил, потому что думал, ты меня в Озера не возьмешь.

Каждой весной большой компанией они ездили на выходные под Псков, в Озера. У Степана был там дом.

Лет семь назад он перекупил этот дом у какого-то «нового литовца», которому содержать его так далеко от Вильнюса было невыгодно. Степан, как правило, решал свои проблемы с непробиваемым тупым упрямством и поэтому в конце концов сообразил, как именно можно защитить дом от «неразумных хазар» во время долгих зимне-осенних простоев. Он построил на участке флигель, больше напоминавший теремок из сказки, и поселил в нем отставного десантного полковника с женой. У десантного полковника был вполне легальный «калашников», о чем моментально стало известно всем окрестным бомжам и лихим людям. Проверять полковничью меткость почему-то до сих пор никому не захотелось, и дом всю зиму отдыхал в полной безопасности, а летом в него наезжал Степан — иногда вдвоем с Иваном,

иногда с большими компаниями. Иван любил Озера больше любых самых распрекрасных заграниц. Степан разделял его точку зрения, и они отлично проводили там время. Жаль только, что времени у Степана становилось все меньше и меньше.

— Па-ап! — позвали из ванной. — А пап!

— Ну что?

— Ты меня не возьмешь в Озера?

— Да ну тебя к дьяволу, — сказал Степан довольно миролюбиво. — Что я, зверь, что ли? Когда это я тебя не брал?

— Ну... из-за этого... Из-за школы...

— Иван, нельзя быть таким трусом. — Степан через голову стянул майку и двинул в сторону дверь шкафа. Что бы такое надеть, чтобы было не слишком жарко, не слишком холодно и выглядело не слишком официально и не слишком затрапезно? — Чем мучиться, лучше бы сразу сказал, и все. И это не имеет никакого отношения к Озерам, понимаешь? Школа школой, Озера Озерами...

— Пап, телефон!

— Слышу я...

Он кинул на диван вытащенную из шкафа рубаху и ринулся в кухню, где забыл трубку. Телефон вопил, словно звонили из Америки.

— Алло!

Молчание, шуршание и писк.

— Алло, я ничего не слышу!

— Павлик, это я, — вдруг сказал Степану в самое ухо взволнованный голос. — Хорошо, что ты еще не ушел...

Чернов называл Степана Павликом, наверное, раз в несколько лет. И поводы были более чем серьезные.

— Что случилось? Черный, ты откуда?

— Из Сафонова я, — ответил Чернов, и голос у него на самом деле был странный. — Ты ребенка в школу везешь?

— Да что, блин, случилось, ты можешь сказать или нет?!

— У нас в котловане труп, Павлик. Самый натуральный и вполне свеженький, если я хоть что-то понимаю в трупах. Так что прямо сюда приезжай, когда Ивана завезешь...

Степан сел.

— Что у нас... в котловане? — переспросил он осторожно.

— Труп, Павлик, — повторил Чернов тихо, но отчетливо. — И не тешь себя напрасными надеждами — в вытрезвителе я вчера не ночевал и галлюцинациями не страдаю. Приезжай быстрее.

Павел Андреевич Степанов, которого друзья и враги называли исключительно Степаном, за долгие годы пребывания в бизнесе научился отличать выдуманные проблемы от настоящих. Это было очень важно, потому что проблемы никогда не кончались и решить их все не было никакой возможности. Имело смысл решать только настоящие.

Сейчас — Степан понял это очень отчетливо — проблема была самой настоящей.

— Ты чего? — помолчав немного, спросил в трубке Чернов. — Или в обморок упал?

— Нет, — ответил Степан сквозь зубы, — не упал. Кто-то из наших?

— Да в том-то все и дело, что да, — сказал Чернов с досадой. — Володька Муркин. Помнишь такого? Ну, вечно грязный, суетливый. Противный. Помнишь? Похож на бывшего научного работника. Я не пойму никак, что с ним... Вроде водку он не так чтоб очень жрал...

— А что с ним? — спросил Степан, одним ухом прислушиваясь к Ивану, который зашнуровывал кроссовки, пел песню и кряхтел совсем по-взрослому. Эти звуки очень успокаивали Степана.

— Лежит башкой на бетонном блоке, который позавчера в котлован свалили. Ну... и все. Крови не видно, да я близко-то и не подходил...

— А может, он жив? — спросил Степан, закрыл глаза и крепко потер их пальцами.

— Пап! — ахнул Иван издалека. — Ты что, еще не одевался?

— Нет, Паш, — сказал Чернов печально. — Не жив он.

— Точно?

— Точно.

— Па-па! Па-ап! Ты чего не одеваешься?! Нам ехать пора! Пап, ты где?

— Милицию вызвали?

— Нет еще. — Чернов, похоже, прикрыл трубку ладонью. — Я решил сначала тебе позвонить. Сейчас вызову. Ты когда приедешь?

— Минут через сорок... — Степан прикинул, сколько ему добираться до Сафонова от Ивановой школы. — Нет, не через сорок. Через час, наверное. Вызывай ментов, Вадим. Вот, твою мать, везет нам в последнее время!.. Ты не знаешь, ничего... такого у нас на объекте вчера не происходило?

— Не знаю, — сказал Чернов. — Попробую узнать.

— Да чего теперь узнавать! Без нас все станет известно!

— Папа! Мы сегодня поедem или нет?!

— Иван, перестань вопить, в конце концов! Слышишь, Черный, если что, звони мне на мобильный и... поаккуратней там, если менты до меня приедут.

— Ясное дело, — пробормотал Чернов. — Я Эдика еще не предупредил.

— Предупреди, — велел Степан, тяжело поднимаясь на ноги. — И звони ментам сейчас же!

Эдиком Беловым звали третьего в их компании. Как и Чернов, он был заместителем Степана, и втроем они составляли отличную команду, несмотря на то, что были очень разными. Белов — рафинированный профессионал, Чернов — рубаха-парень, умеющий подружиться с любым, даже самым строптивым клиентом. Степан был начальником.

Короткие гудки бились не в трубке, а, кажется, где-то внутри головы.

Труп в котловане — неслабое начало дня. Ничего лучшего невозможно придумать, даже если придумывать специально. Любый вариант развития событий обещает не менее волнующее продолжение.

Если это не убийство, а нарушение правил техники безопасности, значит, Степану предстоит чудовищно долгое и выматывающее душу разбирательство, на время которого все работы на объекте, скорее всего, будут приостановлены. Да и одним разбирательством, естествен-

но, дело не кончится. Придется платить, платить всем, от кого хоть в какой-то мере зависит, разрешать Степану продолжать работу или не разрешать. Обязательно всплывет какая-нибудь берущая за душу история с иногородними рабочими.

Естественно, Степан предпочитал нанимать приезжих — им можно меньше платить, и в столице они, как правило, никого не знали, следовательно, пропивать заработанное им было особенно не с кем. Большинство из них приезжали на заработки с просторов «вильной Украины», не так давно освободившейся от российского ига. За один рубль там давали как раз килограмм местной украинской валюты, и за счет отца семейства, который работал у Степана, кормилось еще полтора десятка малороссийских родственников. Поэтому приезжие рабочие, в отличие от таких же, но местного, московского разлива, работали лучше, а пили значительно меньше, что очень устраивало большинство нанимателей. Конечно, никто из них не был прописан в Москве даже временно. Степан регулярно платил взятки участковым и паспортисткам, и его рабочих они оставляли в покое, но в последнее время борьба «за чистоту рядов» в Москве обострилась, и сдерживать служебное рвение паспортисток и участковых стало сложнее.

А тут на тебе!.. Новое дело! Труп в котловане. Объясняться придется не только с ментами. Объясняться придется с заказчиками, что значительно хуже.

Его заказчиками на этот раз были ребята исключительно серьезные. Они строили супермаркеты в ближайших к МКАД поселках, где отоваривались в основном жители пригородов, а летом еще и многочисленные дачники, которым удобнее покупать еду здесь, а не в центре Москвы, откуда потом невозможно было выехать.

Степан знает: если заказчики будут довольны, его фирма без работы не останется никогда. Все многочисленные супермаркеты для них будет строить исключительно он. Его порекомендуют другим, таким же серьезным ребятам. Компания «Строительные технологии» выйдет на новый, невиданно высокий уровень, и наступит наконец долгожданное время почивания на лаврах. Наступило, блин...

Лучше бы его убили, этого... как его... Куркина или Дуркина... Нет, вроде Муркина, что ли. Тогда получится, что Степан и его команда вовсе ни при чем, мало ли где и кого убивают!

— Пап, ты чего? — совсем рядом испуганно спросил Иван, и Степан очнулся. — Ты почему не одеваешься, а?

Сын смотрел на телефонную трубку в руках Степана. Глаза у него расширились, и мордочка стала совсем детской — от страха.

Он боялся телефона.

Однажды по телефону Леночка сообщила Степану, что никогда больше к нему не вернется.

«А Иван?» — спросил тогда Степан, тяжело глядя на сына, который ковырялся у него в ногах. Ему было пять лет.

«Ну Сте-о-о-па! — протянула Леночка с веселым упреком. — Ну будь человеком! Ну куда мне еще ребенка?! Скажи спасибо, что я тебе квартиру оставляю!»

Квартира принадлежала Степану, но Леночка об этом все время забывала.

Выслушав ее, Степан повесил трубку, достал из морозильника бутылку водки и залпом выпил ее, не отрываясь и не закусывая. Иван зачарованно смотрел на него. Потом Степан лег и проспал, наверное, часов двадцать, не слыша ни плача Ивана, ни его причитаний, не чувствуя, как тот пытался его разбудить. Он проснулся в сумерках. Иван, свернувшись калачиком, спал у него под боком. Сквозь рубаху просвечивали острые позвонки. Степан зачем-то растолкал сына и сказал, что мама к ним больше не вернется. От страха Иван даже не заревел, а завыл, глядя на отца потемневшими от ужаса расширенными глазами и широко разевая розовый, совсем младенческий ротик.

С тех самых пор телефоны Иван ненавидел и боялся.

И не зря.

В прошлом году тот же самый телефон — телефон-предатель, телефон-злодей — сообщил им, что бабушка умерла...

— Папа... — повторил Иван, не отводя глаз от аппарата. И даже попятился немного.

Степан злобно сунул трубку в гнездо.

— Все в порядке, — сказал он преувеличенно спокойно. — Просто мне срочно нужно на работу.

— На работу? — переспросил Иван упавшим голосом. Он явно не верил, что отец так расстроился из-за такой ерунды.

Как все очень одинокие и не слишком защищенные дети, он склонен был видеть в простых и обыкновенных событиях самое худшее, а сегодня события явно были необыкновенными.

— Ты не знаешь, где я рубашку бросил? — спросил Степан, стараясь отвлечь сына и разрываясь от внезапно навалившейся жалости к нему и обиды на жизнь, которая в последние несколько лет преподносила им обоим исключительно неприятные сюрпризы.

— Знаю, — приободрился Иван. — Ты ее в своей спальне на кровать бросил. Только она потом на пол упала.

— На пол? — переспросил Степан машинально. Он уже не думал об Иване. Он думал только о том, что происходит в Сафонове и как бы сделать так, чтобы уже там оказаться и начать контролировать ситуацию.

Чего бы он только не дал сейчас, чтобы Ивана в школу отвез кто-нибудь другой! Чего бы он не дал, чтобы хоть на день перестать метаться между работой и ребенком, который, несмотря на свои восемь лет, все еще был удручающе мал и ничем не мог помочь Степану в вопросах собственного воспитания.

Иван не мог оставаться дома один, он сразу же начинал плохо учиться, если Степан хоть на неделю ослаблял контроль, он не засыпал, если отец не успевал приехать домой к ежевечерней церемонии укладывания в постель, он не давал ему разговаривать по телефону — как только Степан садился с трубкой на диван, Иван моментально пристраивался рядом, укладывал голову ему на живот, обхватывал ручками-палочками за шею и начинал удовлетворенно сопеть, как щенок, до отказа налакавшийся теплого молока. Иногда Степан стряхивал его с себя, но чаще всего у него не хватало духу.

— Вот она, пап! — Иван стоял в дверях, совершенно одетый, и смотрел на него преданно. В руках у него была

свежая Степанова рубаша — огромный ком. Он очень старался услужить и отвлечь отца от грустных мыслей.

— Спасибо, — пробормотал Степан. Рубашу надевать нельзя. Сначала ее нужно долго гладить.

Черт, черт, черт!!

Роняя какое-то барахло, он даже не вынул, а выдернул из шкафа первые попавшиеся вещи, кое-как напялил, рыча от нетерпения и злобы. Придерживая подбородком крышку портфеля, он озверело рылся в нем, пытаясь определить, где его мобильный телефон, и, на минуту прерываясь от поисков, обувался.

Иван стоял в отдалении, готовый по первой же команде броситься вон из квартиры.

— Ты взял ракетку и спортивную форму? — Степан спросил невнятно, все еще придерживая крышку портфеля. Телефон никак не находился.

— Забыл! — вскрикнул Иван тоненько и кинулся в свою комнату. — Сейчас, сейчас...

— Растрепа, — пробормотал Степан ему вслед так, чтобы тот слышал. — А что, вчера нельзя было собраться?! — заорал он, захлопнув наконец портфель. — Почему я должен помнить о том, что у тебя сегодня теннис, а ты сам ничего не помнишь?!

— Я помнил, помнил!.. — закричал в ответ Иван. — А потом забыл... Пап, где мои шорты?

Степан даже рычать уже не мог.

Он зашел в комнату, по которой в панике метался Иван, в бешенстве вышвырнул с полки все, что там лежало, выудил из безобразной кучи на полу шорты и майку, с силой развернул Ивана спиной к себе и запихал барахлишко ему в рюкзак. Иван только сопел испуганно.

— Где ракетка?

— В школе осталась, пап... В моем шкафчике.

— Да шевелись ты, Христа ради! Мне нужно было выехать уже двадцать минут назад!

«Тем более сегодня на моем объекте в Сафонове мой собственный зам нашел труп моего собственного рабочего».

Черт, черт, черт!!

Они оба выскочили из подъезда так, словно за ними гнались разбойники, и стали оглядываться в поисках ма-

шины. Степан всегда забывал, где именно ее оставил. В этот момент они были просто неправдоподобно похожи друг на друга.

— Вон она, пап!

На ходу доставая ключи и толкая перед собой сына, Степан бросился к джипу.

— Садись, Иван. И чтобы сразу пристегнулся! — Не смотря на то что тяжеленный джип был безопасен и надежен, как «Конкорд», Степан испытывал какое-то почти мистическое уважение к привязным ремням.

Леночка никогда не пристегивалась...

Вчера весь день шел дождь, машина была не просто грязной, она была вся, от колес до крыши, заляпана толстым слоем засохшей глины и песка.

— Иван, не прислоняйся! Ты что, не видишь, какая грязь?!

«Надо хоть стекла протереть, а то поеду, как в танке...»

Степан кинул в салон портфель, машинально отметив, что Иван сосредоточенно пихает пряжку ремня в замок, выхватил из дверного кармана тряпку и стал остервенело тереть лобовое стекло.

Он тер, и из-под тряпки, отраженные стеклом, как в сказке, проступали голубое опрокинутое небо и тонкое сплетение еще голых веток.

Какой теплый в этом году апрель!

Съездить бы с Иваном в лес, подышать весной, как это называла мама. Наверное, дороги уже растаяли, а где-нибудь повыше не только растаяли, но уже и высохли. Из-под жухлой прошлогодней травы наивными стрелами вылезает молодая, на пригорках печет, и из срезанной березовой ветки торопливо капает прозрачный сок.

«Если к субботе я буду способен двигаться, свожу Ивана в лес, и черт с ними, со всеми делами».

Степан обежал капот и стал тереть стекло с другой стороны.

Странное дело. Ему показалось, что капот почему-то теплый. Он даже осторожно потрогал шероховатую от грязи поверхность. Солнце с утра нагрело, понял он. Надо же, какой теплый в этом году апрель!..

Степан распахнул водительскую дверь, сунул на место тряпку и взгромоздился за руль.

— Готов? — спросил он у Ивана. Он всегда его об этом спрашивал перед тем, как тронуться.

— Готов!

Степан запустил двигатель, напялил темные очки, придававшие ему совершенно классический бандитский вид, и нажал кнопку на приемнике. Обернувшись через плечо и сопя от неудобного положения, он осторожно выбирался с крошечного асфальтового пятачка.

— Иван, что ты сделал с приемником, почему он не работает?

— Я его не трогал! — В голосе неподдельное и совершенно искреннее негодование. — Ты же не разрешаешь!..

— А ты всегда делаешь только то, что я разрешаю? — усмехнулся Степан. Он притормозил перед выездом на бульвары и посмотрел на приемник. — А говоришь, не трогал!

Приемник был переключен с радио на CD. Компакт-диски Степан в машине никогда не слушал.

— Ну что? Не трогал?

— Не трогал!

— Не ври мне никогда!

Но у него не было никакого желания препираться с сыном.

Он выехал на финишную прямую. Ему осталось только добраться до школы — и он освободится от Ивана, по крайней мере до вечера. За это время он должен переделать все свои дела, разобраться, что именно натворили его козлы-работяги, кто там кого укокошил или не укокошил, позвонить Сергею Рудневу и постараться убедить его в том, что он, Степан, ситуацию полностью контролирует, хотя он ее ни черта не контролировал, но Рудневу об этом знать не полагалось.

— Пап, ты, по-моему, слишком быстро едешь...

— Нормально я еду! — Степан кидал джип в любую освободившуюся щель, куда он только мог пролезть. Нетерпение и беспокойство жгли его изнутри.

— Иван, скажешь своей учительнице, что я приеду, когда смогу, хорошо?

— Хорошо, — ответил Иван с тяжелым взрослым вздохом. — Скажу. Пап, а можно мне в субботу пойти к Димке на день рождения? — Это означало, что его придется куда-то везти, а потом оттуда забирать. И никакого леса.

— Посмотрим, — сказал Степан неопределенно. Он даже представить себе не мог, что именно ждет его в субботу. До нее еще предстояло дожить.

— Ты всегда так говоришь, когда не хочешь меня пускать, — сказал Иван горько. — Меня скоро никто приглашать не будет!

— Вот и замечательно, — пробормотал Степан.

В редкие выходные, когда ему не нужно было никуда нестись, он старался хотя бы выспаться на несколько дней вперед. Таскать Ивана из конца в конец Москвы или — еще хуже! — к кому-нибудь на дачу было выше его сил.

— Давай! — сказал Степан, затормозив у чугунных ворот небольшого нарядного особняка, в котором помещалась Иванова школа. — Вон твой Валерий Владимирович на крыльчке...

Иван полез из машины. Он был явно расстроен. Плохое утро. И день, наверное, будет еще хуже...

— Лапу давай, — приказал Степан, глядя, как сын тащит за собой рюкзак. — Забыл?

— Забыл, — признался Иван и протянул худую и совсем плоскую ладонь. В Степановой руке могли поместиться четыре такие ладони. — Пап, приезжай скорей...

— Ладно, не ной, — оборвал его Степан. — Если ничего не произойдет, я тебя заберу как обычно.

Иногда, когда он не успевал, Ивана забирала Клара Ильинична, чего тот терпеть не мог. Хорошо хоть, что занятия у них продолжались не до двух, как в простой школе, а до семи часов.

— Пока, пап!

— Пока, — сказал Степан и захлопнул за сыном дверь. Он постоял еще несколько секунд, пока Иван не добрался до Валерия Владимировича, потом нажал на газ и с ходу вылетел на перекресток.

Про Ивана он тут же забыл.

— Да вон он подъехал...

— Где?

— Да вон, говорю, подъехал! Ну, здоровую машину видите?

— Вижу.

— Ну! Он и есть. Степанов Пал Андреич. Большой человек. Всем остальным главный начальник... — Рабочий выразительно сплюнул, глянул на небо, потом на лес, потом на вагончики, возле которых вяло толпился народ. Почему-то Павел Андреевич Степанов явно его раздражал. Или пугал.

Что это такое? Обычное неудовольствие маленького человека, которого большой заставляет на себя работать, или свидетельство того, что Павел Андреевич вообще личность неприятная?

— Ну и как он? — спросил милицейский капитан Никоненко осторожно, словно проверяя пальцем, не слишком ли горяч утюг.

— Кто? — не понял рабочий. Либо он на самом деле был непробиваемо туп, либо притворялся в пока неизвестных капитану Никоненко целях.

— Да этот ваш, который всем начальник?

— А-а, — протянул рабочий, затаился и выдохнул в сторону дым. Из деликатности, как определил Никоненко. — Я, товарищ капитан, ничего про ихние дела не знаю. Нам про это знать не положено. Мы работаем, зарплату получаем, а остальное — не нашего ума...

Капитан вдруг взглянул на него внимательно и остро, как ножом полоснул. Полоснул и опять спрятал нож в рукав.

— Чего вам знать не положено?

— А ничего! — сказал рабочий и улыбнулся радостно. — Вам если интересно, вы лучше с ними, с начальниками, поговорите, а нам ничего не известно, мы...

— Да-да, — подтвердил капитан рассеянно, — я слышал. Вы люди маленькие.

— Во-во, — согласился рабочий, — вы, товарищ капитан, с Валентин Петровичем потолкуйте, с прорабом нашим. Потом с этими двумя... гавриками... Чернов с Беловым которые. Вот ведь как бывает-то... Чернов да Белов, да обои два в одном месте сошлись...